

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboïnikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК

Выбор статей в “Антологии Анналов” вполне оправдан. Я не мог действительно ознакомиться со “Словарем средневековой культуры”, так как понимаю, оба эти проекта вписываются в одну и ту же логику. Что касается “Антологии”, то речь идет о цельном и связанном собрании разных статей, отражающих разные крупные темы. Каковы эти главные темы? Это история как таковая – способы историографии, различные виды исторической темпоральности. Вторая важная тема – это представления о жизни и загробном мире в разных обществах, и в частности, обществах, где Средневековье было очень длительным – я имею в виду “долгое Средневековье”. Третья важная тема – это образы, образы в широком смысле слова, как разделял эту проблематику Жан-Клод Шмитт в начале своей статьи, когда он говорит о трех уровнях образа: имеется в виду, во-первых, социолого-антропологический уровень: речь идет о человеке, соотношенном по образу и подобию Бога, во-вторых, уровень ментального образа – то, что Жан-Клод Шмитт называет нематериальными элементами воображаемого: речь идет о памяти и сновидении. Это исследование образа (*imago*) расширяется благодаря исследованию политической метафоры в статье Р. Десимона, и далее благодаря исследованию Х. Медика, посвященного культуре престижа, рассмотренной на примере расцветки одежды в вюртембергской деревне Иллихинген. В том же контексте *imago* речь идет о культуре смеха в аристократическом обществе первой половины XVIII в., благодаря которой знать утверждает и обновляет свой собственный образ. Эти статьи, отобранные для “Антологии” Ароном Гуревичем, который желал подчеркнуть значение исследований, проводимых в рамках исторической антропологии начиная с 90-х годов. Таким образом вырисовывается некая концепция средневековой истории, опирающейся на источники, преимущественно письменные, но не только эта концепция учитывает, что источники случайно дошли до нас, а часть их исчезла бесследно, и мы имеем дело с выборкой, и что это по-новому взглянуть на эти источники. Все эти источники, будь то письменные или нет, говорят то, что они говорят и желают сказать, но их нужно прочитать и на другом уровне, если мы желаем понять некий задний план их дискурса, а это может быть еще более глубокий уровень, чем сами источники. Такое двойное их прочтение совершенно необходимо, и подобный подход, впрочем, отвечает (если же выйти за пределы исторической антропологии) самой главной ориентации “Анналов”. Я не намереваюсь оспаривать этот выбор логики которого мне очень хорошо понятна – и этот выбор представляется мне внутренне целостным, и в то же время он при-

глашает к размышлениям. Я лишь хочу заметить, что другие бы, исходя из других интересов могли бы сделать иную выборку статей опубликованных в “Анналах” за последние 15 лет.

Так вот, именно эта ситуация плюрализма, разнообразия выборов мне кажется важной. Подчеркну, что она принципиально отличается от ситуации 60-х или начала 70-х годов XX в., когда например, Орест Раном или Роберт Фокс публиковали на английском языке выборку из статей “Анналов”; ведь тогда речь шла о выборке тематической (историческая демография, материальная культура и т.д.), в основу которой были положены отнюдь не методологические принципы. Напротив, современная ситуация, которая, собственно, и отражена в выборе Арона Гуревича, отсылает нас к совершенно новому для журнала явлению. Я бы назвал его эклектизмом – эта черта, с моей точки зрения, стала доминирующей за последние 25 или 30 лет. На мой взгляд, этот термин не содержит ничего негативного. Я имею в виду не только огромное разнообразие тематики журналов, проявляющееся в широком диапазоне трактуемых сюжетов, но и расширение географического ареала исследований. Речь идет о дисциплинарном эклектизме, поскольку журнал уделяет много внимания другим дисциплинам и другим, помимо историко-антропологического, междисциплинарным подходам. Наконец, можно говорить и о методологическом эклектизме: начиная с 70-х годов “Анналы” вобрала в себя, если не все, то большое число различных историографических школ, ставящих перед собой одну и ту же цель, – все эти направления должны были способствовать обновлению истории изнутри. Я имею в виду англосаксонскую *social history*, итальянскую микро-историю, немецкую историю повседневности. Этот эклектизм буквально взорвал само понятие Школы “Анналов”, а ведь это понятие – не следует об этом забывать, было придумано американцами, а отнюдь не французами, это скорее взгляд на журнал и его влияние со стороны, а не изнутри. И потому если мы желаем говорить о “школе Анналов”, то мы должны рассматривать эклектизм как определяющую ее черту. И стоило бы задаться вопросом о такой черте, как эклектизм, и мне кажется, что современная ситуация вполне может иллюстрировать эту черту школы Анналов. Я являюсь нераскаявшимся историком истории “большой длительности” (*longue durée*), и чтобы понять недавнюю историю “Анналов”, я должен буду рассмотреть ее в целом в контексте всей истории журнала.

Еще в 1929 г. и на протяжении последующих 40 лет “Анналы” идентифицировали себя как, конечно, журнал открытый, но и как журнал, защищавший концепцию истории, желающей быть оригинальной и отличающейся от той, которая была изболочена как господствующая историография, и которая была отброшена не без по

ического задора как историография традиционная. Иными словами, были "мы" и были "другие". Эта оппозиция, не лишенная материального характера, не помешала, однако, Блоку и Февру и Броделю (я сейчас говорю, в частности, о 30-х годах) публиковаться и в этих журналах, традиционных, таких, как "Revue historique". "Анналы" сыграли свою точно определенную роль, и концепцию, определявшую их сущность с самого начала, последовательно защищали представители самых разных направлений. В конце 30-х годов это был Марк Блок, затем 12 лет после войны Февр, а далее Бродель, который возглавлял "Анналы" вплоть до 1968 г., когда он передает эстафету новой коллективной дирекции журнала – разработанный ею проект был представлен и проиллюстрирован в 1974 г. трех томах коллективной монографии под редакцией Пьера Нора и Жака Ле Гоффа "Писать историю", а затем в "Словаре новой истории" 1978 г. Несомненно, около 1968 г. происходит смена поколений. Я не очень уверен в том, что можно объяснить суть "Анналов" рассказывая историю этих последовательных чередований различных дирекций и акцентируя само явление смены поколений. То, что происходит в тот момент, когда Фернан Бродель передает эстафету, это, на самом деле, нечто большее. Влияние событий 1968 г. на французскую культуру, и в частности на историческую культуру во Франции и за ее пределами было таково, что "Анналы" начиная с этого момента заняли в науке господствующие позиции. Отныне у них больше нет настоящих врагов, которых они должны атаковать, а также часть американских историков, придерживавшихся традиционных взглядов в гуманистике и отказывавшихся признавать историю частью социальных наук, именно в это время становятся адептами социальных наук. В тот момент происходит не только смена людей, но смена контекстов. И Бродель, который с точки зрения институциональной, несомненно, не очень просто воспринял факт оскупления его власти в EHESS, очень здраво смотрел на эти изменения. В интервью итальянскому журналу в начале 1969 г. Он говорит: Нам действительно предстоит настоящая культурная революция, и никогда ничего не будет так, как прежде". Но попутно он отмечает: Общество осуществляет культурную революцию в тот момент, когда оно неспособно осуществить революцию социальную".

С тех пор "Анналы" развиваются в двух направлениях. Первое – это новации. Расширяется область интересов и методик, которые защищает журнал, а точнее, на первый план выдвигается историческая антропология, занимающая место экономической истории, которая, как кажется, начинает выдыхаться. Но и сама экономическая история переориентируется на другие направления, применяя математические методы и пренебрегая историей. Второе направление – "Анналы" заимствуют все новации извне, особенно в методологиче-

ском плане, и этот эклектизм есть до некоторой степени ответ на новую ситуацию. Настает время вписать историю в новый контекст интернационализации исторического исследования. Этот процесс ломает границы прежних национальных историографий и способствует циркуляции новаций, идей – из одной страны в другую, бо́льшему интенсивному распространению новых достижений в исторической науке. Но это же обстоятельство побуждает историков ездить, в свету, чаще встречаться на коллоквиумах, преподавать другой аудитории, прежде всего в США. Важнейшей характеристикой современной ситуации в исторической науке становится ее интернационализация, начало которой было положено в 70-е гг., благодаря обмену между Европой и США. А начиная с середины 80-х годов международное сотрудничество распространяется и на Вашу страну. Нет нужды говорить о том, что упустить такой благоприятный случай не следовало. И отныне, как мне кажется, журнал уже не отодвигается ни с отдельным именем, как например, Марк Блок или Люсьен Февр, ни с определенной командой во главе с ответственным редактором, как это было прежде, когда эти руководители сменяли друг друга ...

Но возвращаясь назад, если мы посмотрим на эту последовательность команд в "Анналах", то Вы сможете увидеть – и некоторые из Вас будут удивлены, – что за исключением Андре Бюргера и возглавлявшего "Анналы" в течение одного года Пьера-Франсуа Сюри, все руководители, последовательно сменявшие друг друга (конечно, происходило изменение ориентаций журнала, в частности в сторону исторической антропологии), все они были специалистами экономической истории от Жака Ревеля до присутствующего здесь Жан-Ива Гренье, и они не переставали ею интересоваться, даже если им приходилось работать в других направлениях.

Конечно, имел место континуитет, преемственность, но также дисконтинуитет, разрыв. Но новации разрабатывались таким образом, что ничего не приносилось в жертву, и заметьте, что исследование экономической истории непрерывно продолжается, конечно же в иных формах и с применением иных анкет, но по большей части все накопленное, достигнутое и приобретенное сохраняется. Редакционная статья в первом номере журнала за 2001 г. прекрасное тому свидетельство. Эта статья посвящена глобальной истории, и в ней объясняется, почему это новое открытие, этот новый интерес к глобальной истории не должен означать отказ от приобретений микроистории. Таким образом, в одно и то же время есть стремление к обновлению и есть стремление к сохранению преемственности, континуитета, или же, иначе говоря, есть желание сохранить капитал предшествующих приобретений. И каждый имеет право выбирать в этом наследии то, что его больше всего интересует, и развивать это

ращение, и потому в сущности говоря выбор обсуждаемой сегодня “Антологии” мне кажется вполне оправданным.

Но некое общее начало, общее согласие, вырисовывающееся за этим разнообразием, символизирует “критический поворот”, *tour-ment* типичные конца 80-х годов XX в. То был некий переход к истории, которую привлекало реальное, к истории, которая стремилась изучать точно определенные объекты и пыталась для этого приближаться к постижению реальности, определив круг своих источников, области исследования и свои методы. Прежняя наука постепенно уступала место иной истории, истории, критичной по отношению к самой себе, истории, задающейся как вопросом о конструировании этого предмета, так и вопросом о своих концепциях, о своих методах, которые она применяет и которые ей необходимо осмыслить в исторических категориях, а не соотнося их с другими дисциплинами, в которых история могла бы заимствовать более строгие, чем ее собственные, методы, и этим довольствоваться. И на что хотели бы обратить свое внимание историки в тот момент, когда они отмечали появление *Annales* в 1989 г. – возраст, согласитесь, почтенный, – так это на то, что сегодня невозможно быть наивными историками, и тем необходимо параллельно развивать историческое и критическое исследование самой исторической науки и способов историописания. С этой точки зрения, я полагаю, что в течение 10-летнего периода начиная с 90-х годов – и я говорю это вовсе не для того, чтобы похвалить Жан-Ива Гренье, который руководил журналом, – *Annales* сыграли заключенное ими самими пари. Все эти успехи вызвали мое восхищение, тем более понятное, что я не несу никакой ответственности за то, что делается в журнале. И у меня есть лишь один упрек, впрочем достаточно парадоксальный: он заключается в том, что “Анналы” не заметили то явление, которое я называю *археологической революцией*. Когда я был студентом, история начиналась в Междуречье, с изобретения письменности. Но революция, пронувшая главным образом методы исследования, позволила археологии создать очень обширную и разнообразную гамму источников на базе изобразительных искусств и памятников архитектуры, и на этой новой основе изучать древние цивилизации, независимо от того, обладали ли они письменностью или нет. Это привело к тому, что принцип жесткой связи между письменностью и историей был действительно преодолен, и теперь историческое время начинается для нас по крайней мере на 10 тыс. лет, а то и на 40 или 60 тыс. лет раньше. Это открытие было равносильно грандиозным изменениям, которые шла о создании новой концепции “времени большой длительности”, – *longue durée*, но в “Анналах” не было каких-либо откликов в области исследования. Мои знания об этом предмете ограничены, но тем более меня поражает, что о том же говорится в одной из про-

грамм “Анналов”, которая была определена Люсьеном Февром его вступительной лекции в Коллеж де Франс в 1934 г. Говоря об источниках, он предлагает впрочем несколько риторические формулировки: “Тексты – да, но все тексты”, т.е. не только выборки из них, но – обратим внимание – затем он говорит: “тексты, но не только тексты”.

Я приведу лишь один пример диалога между археологией и историей – и это позабавит медиевистов, Вы знаете, что в медиевистике всегда существовала упорная тенденция рассматривать свинину в качестве основы крестьянского хозяйства, и мы знаем, что сцены ритуального забоя свиньи фигурируют на всех капителях, изображающих месяц декабрь. Но исследование, проведенное на основе анализа миллионов костных останков, обнаруженных во время археологических раскопок, показывает, что в крестьянских домах мы можем увидеть преимущественно лишь кости старых коров, и в меньшей мере кости свиней, а где же обнаруживают кости свиней? в замках сеньоров! Эта тема важна, так как нам необходимо понять и изучить, почему источники – и здесь я думаю об изображении сцен крестьянского труда в часословах – подчеркивают эту связь между крестьянским образом жизни и потреблением и засолом свинины.

В общем важно попытаться поразмышлять – я, конечно, говорю это как сторонний наблюдатель – о возможных направлениях которые могли бы развиваться в рамках “Анналов”, и перед моим мысленным взором вырисовываются два главных пути (на самом деле их, конечно же, больше). Первый заключается в том, чтобы продолжить программу “История и социальные науки”, которую сформулировали “Анналы” в 1989 г., когда журнал по случаю 60-летнего юбилея сменил свое название. Эта программа исторических исследований уже более не связана с делением исторической дисциплины на “экономическую и социальную историю”, как то было – с целью обновления истории – сформулировано в 30-е годы. Это уже не тотальная история, это также не история, которая ориентирована на изучение современности при помощи интерпретации лингвистических и семиотических дискурсов, на разработку более формализованной научной концептуализации, заимствованной у лингвистики, антропологии структур родства и пр., это история, которая определяет себя через рефлексию на стыке с другими дисциплинами.

Второе направление – это более систематическая интернационализация науки, явление необходимое и благотворное как для истории, так и для других социальных наук. Иначе говоря, речь идет об учете точек зрения и вклада других культур, которые обладают иным историческим опытом, культур, которые иным образом и исходя из иных предпосылок конструировали исторический процесс. И вот эта открытость мировой науки кажется мне еще одним важ

с достижением наряду с открытием истории с точки зрения антропологии. Что говорили нам антропологи: другие – это "мы", надо смотреть на самих себя как на "других". Но даже если мы и усвоили эту точку зрения, тем не менее это не помешало нам проецировать на "других" представление об инаковости, характерное для когнитивной антропологии. Размышления Арона Гуревича о русской истории убеждают меня в том, что подход, ориентированный на успешного исторического и историографического опыта, следует применять систематически, но также в других направлениях. На самом деле, ситуация складывается парадоксальная, вспомним парадоксы 70-х годов: несмотря на существование различных историографических течений, как мне кажется, именно микроистория утвердилась тогда как основное направление. Но ведь то был момент, когда начался процесс глобализации, и я не всегда хорошо понимал, каким образом история, которая стремилась к тесной связи с настоящим и претендовала на то, чтобы отвечать на поставленные настоящим вопросы, пренебрегла одной из фундаментальных проблем, связанных современным развитием мирового общества. Примерно то, что первый номер "Анналов" за 2001 г. был посвящен теме глобальной истории, нам был предложен некий синтез метода истории, который не прибегает к априорной генерализации, но связывает между собой истории, всегда остающиеся при этом локальными и индивидуальными... Мы должны быть признательными "Анналам" за то, что они, как об этом напомнил Арон Гуревич, достаточно задали высокую планку уровня исторического исследования и за то, что благодаря им мы ныне обладаем огромной индивидуальной свободой. И мы абсолютно свободны и ответственны в том выборе, который мы делаем. Спасибо.

Пер. с франц. и подгот. к публ. С.И. Лучицкой